

Директор МШЭ МГУ академик А.Д. Некипелов : «На запасном пути» - публикация в «Российской газете»

В последнем номере «Российской газеты» (18.02.2014) под заголовком : «На запасном пути» опубликовано интервью с директором МШЭ МГУ академиком А.Д. Некипеловым, в котором Александр Дмитриевич предлагает потратить золотовалютные резервы на оживление экономики. Полный текст интервью А.Д. Некипелова корреспонденту «РГ» Игорю Зубкову:

Почему от государства сейчас зависит экономический рост? Как определить размер «избыточных» резервов и что с ними делать? Существует ли ресурсное проклятие? Как остановить отток населения из Сибири и Дальнего Востока? Что сделать, чтобы преодолеть «несовместимость» академической науки и бизнеса? Об этом корреспондент «РГ» беседовал с Александром Некипеловым, академиком РАН, организатором и директором Московской школы экономики МГУ.

Александр Дмитриевич, экономисты разделились на два лагеря: одни говорят, что нам для нормального развития нужен прежде всего здоровый деловой климат, другие – инвестиции. И среди последних – почти все эксперты РАН. Кто прав?

Некипелов: Я не знаю экономистов, работающих в Академии наук, которые бы выступали против формирования нормального делового климата. Разумеется, нужны институциональные преобразования. Речь лишь о том, что одновременно нужно заниматься проблемами экономического роста, а не ждать, когда же сложатся все необходимые условия для ведения бизнеса. С нашей точки зрения, эти задачи могут и должны решаться параллельно. У нас, если не ошибаюсь, деловой климат с начала 2000-х годов улучшился, так? Получается, что при менее благоприятном климате у нас были более высокие темпы роста, чем сейчас.

Ситуация усугубляется тем, что в силу громадного провала в инвестиционной активности, который не был полностью восполнен в период бурного роста в начале 2000-х, мы сейчас вступаем в период массового выхода из эксплуатации устаревшего оборудования, даже целых предприятий. По оценкам Института народнохозяйственного прогнозирования, масштаб этого бедствия составляет примерно 2% ВВП в год. Это означает, что двухпроцентный рост позволяет нам стоять на месте, а если он меньше, как в прошлом году, значит мы движемся назад. Именно эта ситуация, на наш взгляд, как и раз и делает проблему экономического роста первостепенной.

Этот рост может происходить за счет разных факторов. К примеру, когда имеется большое количество незагруженных производственных мощностей, есть возможность обеспечить рост за счет большей загрузки, и он не сопряжен с серьезными инвестициями. Но когда загрузка достаточно высокая, да еще устаревшие мощности выбывают, как сейчас, важнейшим фактором роста становятся инвестиции. То есть инвестиции – это рецепт не на все времена. Это вывод, который делается нами применительно к конкретному положению, в котором находится страна.

Если бизнес не делает инвестиций, эту задачу должно взять на себя государство?

Некипелов: Очень важным фактором гармоничного развития является быстрое развитие инфраструктуры, и именно в этом роль государства очень высока. Инвестиции государства в этой области не вытесняют частные вложения, а напротив, привлекают их. Строим дорогу – вокруг начинается жизнь, функционирует частный капитал. Перед нами стоит задача модернизации не одной экономики, а всего общества, и для этого нужны большие ресурсы. Сегодня они есть у государства. И нужно искать механизмы, чтобы эти ресурсы, которые используются далеко не самым эффективным образом, сделать фактором экономического роста.

Чтобы запустить новые масштабные инфраструктурные проекты, понадобится время. Не упущено ли оно?

Некипелов: Я не сторонник таких заявлений. Может быть, мы не самым лучшим образом распорядились временем. Сама идея о том, что стране нужны крупные инфраструктурные проекты, пробивает себе жизнь.

В связи с этим замечу, что у нас никогда не признают правоту оппонентов, даже если начинают реализовывать их рецепты. К примеру, в начале реформ 90-х годов академические экономисты – противники рынка, как их выставляли – говорили о том, что нельзя все сводить к макроэкономической стабилизации. Она нужна, но еще нужно реструктурировать отрасли, которые возникли в иной обстановке и плохо чувствуют себя в рыночных условиях. Мы в ответ слышали, что лучшая промышленная политика – никакой промышленной политики. В результате мы потеряли почти все высокие технологии. Это не значит, что мы должны идеализировать то, в какой форме они существовали в советской экономике, но это означает, что необязательно это было терять, что нужно было приложить усилия, чтобы адаптировать эти отрасли к новым реалиям.

Мы с самого начала говорили: конечно, переход к рынку очень важен, частная собственность – основа экономики, но из этого не следует, что нужно наплеватьски относиться к государственной собственности. Потому что тем самым мы деформируем поведение бизнеса: самым выгодным занятием для него становится растаскивание государственного сектора. Над нами

смеялись, говорили о том, что мы никак не можем расстаться с представлениями прошлых лет. И вот постепенно пришло понимание, что мы были правы.

В качестве отраслей, которые могут вытянуть технологический уровень нашей экономики, называют оборонно-промышленный комплекс, космическую и авиационную промышленность. А нефтегазовая отрасль? Она восприимчива к инновациям, там сравнительно высокая производительность труда.

Некипелов: Нефть какой была по химическому составу сто лет назад, такой и остается. Сама по себе она неспособна революционизировать экономику, и в этом смысле нефть отличается от продукции машиностроения, информационных технологий и прочее и прочее. Но при этом нефтегазовая отрасль является потребителем современных высоких технологий. И что еще важно, именно эта сфера стала важнейшим источником доходов страны. И задача, следовательно, заключается не в том, чтобы постоянно сетовать на то, что Россия находится на нефтяной игле, рвать волосы на голове и говорить о ресурсном проклятии, а в том, чтобы создать разумный механизм использования этих огромных ресурсов для решения задач модернизации и экономического роста.

Эта проблема в рыночной экономике решается очень элегантно: через существование ренты, которая взимается с тех, кто извлекает сверхприбыль, пользуясь недрами. Благодаря этому на рынке устанавливается состояние общего равновесия – приблизительно равная доходность во всех отраслях, с поправкой на разницу в рисках. Следовательно, с точки зрения прибыли можно с одинаковым успехом производить станки, но не платить ренту, или добывать нефть, но избыточный доход передавать в виде ренты собственнику ресурса.

Кстати, на этот вопрос академические экономисты – в первую очередь академик Д.С.Львов - с самого начала обращали много внимания. В 90-х годах над этим издевались, почему-то бесплатный доступ к государственному ресурсу казался естественным. А потом поняли, что антирыночно – это не собирать ренту. Если одна «Роснефть» сейчас перечисляет в бюджет около 40 миллиардов долларов в год, то можно себе представить, каких масштабов ренту получает государство и от чего ему предлагали отказаться.

Мы убеждены, что эти ресурсы можно использовать и для модернизации экономики, и для экономического роста. Речь об «избыточной» части валютных резервов, накопленных от экспорта нефти и газа. Той части, которая не нужна Центральному банку для поддержания нужной траектории валютного курса. Есть простой механизм: централизованный импорт, например, дорогостоящего медицинского оборудования. Имеет это отношение к какой-то инфляции? Нет, потому что ни одного лишнего рубля в российской экономике от этого не появится.

Но нужно внедрять и более сложные рыночные механизмы для «избыточных» ресурсов. Каким образом? Либо создать специальную государственную структуру, либо использовать один из госбанков для того, чтобы на коммерческой основе открывать долгосрочные валютные кредитные линии под частные модернизационные проекты, связанные с импортом технологий и оборудования. Иначе говоря, проект выигрывает конкурс, кредит уходит на оплату связанных с его реализацией импортных контрактов. Часто говорят, что у нас нет таких проектов. Тогда почему внешняя задолженность частного сектора растет? Значит, он все-таки постоянно нуждается в ресурсах, но вынужден кредитоваться за рубежом. Есть и другое возражение: это все сопряжено с коррупцией, все разворуют. Если исходить из этого, то вообще ничего делать нельзя. А что мешает в этой самой структуре, которая на коммерческой основе будет открывать валютные линии, создать наблюдательный совет из представителей деловых ассоциаций? Чтобы они, во-первых, тщательно следили за честностью и правильностью процедуры отбора наиболее эффективных проектов и, во-вторых, контролировали их реализацию? С моей точки зрения, в этом нет ничего невозможного. Я думаю, что бизнес-сообщество с огромным удовольствием занялось бы этим делом.

Идет речь об огромных ресурсах. Какая часть из них избыточна? Обычно говорят так: вообще-то трудно определить оптимальный размер резервов. Конечно, трудно, и не надо стараться определить это с точностью до доллара. Первоначально можно ориентироваться на точность в 50–100 миллиардов долларов, а дальше методом проб и ошибок будет нащупано правильное соотношение. Перед началом кризиса у страны было 600 миллиардов долларов резервов. К началу февраля 2009 г. в топку борьбы с кризисом мы бросили 200 миллиардов. В пересчете на нефть, а цена за нее осенью 2008 года упала до 40 долларов за баррель, это свыше 800 миллионов тонн. Полуторогодовой объем всей добычи в стране! Иначе говоря, 200 миллиардов долларов – это колоссальная сумма, а в то же время лишь треть наших валютных резервов. То есть мы то ли считаем, что у нас каждый год будут такие кризисы, то ли ожидаем, что следующий кризис будет значительно сильнее. Никто не спорит, что резервы нужны. Вопрос в том, каков оптимальный объем этих резервов. Потому что избыточные резервы – это синоним потерь.

Источник значительной части доходов нашего бюджета – за Уралом. А там населения все меньше. Как сделать так, чтобы в Сибири и на Дальнем Востоке не остались одни вахтовики?

Некипелов: Это проблема кардинальная для России. Она даже не экономическая, это вопрос сохранения страны. Нас не очень много, а территория у нас огромная, и такое сочетание не всегда вызывает в мире очень добрые чувства. Возможны разные механизмы, но основой для решения подобного рода вопросов связан с усилиями по технологическому,

экономическому, производственному объединению страны. Именно поэтому вложения в транспортную и коммуникационную инфраструктуру имеют огромное и экономическое и политическое значение. Потому что когда мы создаем возможности для быстрого перемещения товаров и услуг, мы «стягиваем» огромные пространства. Вот это еще один аргумент в пользу особой роли государства в экономике. Он не вытекает из абстрактных рассуждений, что государство – это хорошо, а диктуется тем, что если вы хотите решить эти задачи в какие-то ограниченные периоды времени, нужна, повторюсь, колоссальная концентрация ресурсов на этих направлениях. И обеспечить ее может только государство. Да, при этом очень важно, чтобы все это делалось в соответствии с законами рыночной экономики. Но главное: должна быть сформулирована цель и должно быть понятно, что для ее решения необходимо перегруппировывать ресурсы. А дальше нужно анализировать конкретные механизмы, их можно предложить много.

Возможно ли сейчас повторить опыт столыпинской реформы, когда за несколько лет за Урал из перенаселенной Европейской России переселилось более трех миллионов человек?

Некипелов: Нужно понимать, что Столыпин использовал не сталинские методы переселения, а привлекал людей в Сибирь, создавая там необходимые условия. А это та же самая инфраструктура, рабочие места. Почему люди жили, жили на Дальнем Востоке и вдруг стали оттуда уезжать? Вот, во второй половине 90-х годов Виктор Иванович Ишаев, еще будучи губернатором Хабаровского края, возил нас, академических экономистов, на военный судостроительный завод в Комсомольске-на-Амуре. Это жуткое ощущение, когда вы идете по колоссальному цеху, а от шагов раздается гул, потому что он пустой. Никакой работы нет, но стоит атомная подводная лодка, точнее, две ее части. Перед тем как их соединить и спустить лодку на воду, требовалось запустить реактор. И он уже был давно запущен, но в это время деньги закончились. И чуть не плача, работники завода рассказывали, что когда к ним приезжал Егор Тимурович, он сказал: продукция вашего города теперь не нужна. Вас тут 300 тысяч, а нужно, чтобы 30 тысяч осталось. Но при этом не сказал, куда остальным 270 тысячам деваться. Почему люди уехали оттуда? Да потому что им сказали: вы тут лишние! Чтобы они вернулись, их не надо уговаривать, нужно условия создать. Другого пути нет.

В качестве вице-президента РАН вы много занимались вопросами организации работы ее институтов. Сейчас академическая наука и бизнес существуют сами по себе. Как можно обеспечить их тесную связку?

Некипелов: Так нет уже академической науки. Поймите, я это говорю не для того, чтобы поюродствовать, но дело в том, что это уже не вопрос академического сообщества. До реформы РАН мы и, в частности, ваш

покорный слуга, очень активно предлагали механизм создания инновационного пояса вокруг Академии наук, коммерциализации научных разработок. Он основывается на моем общем взгляде на управление в коммерческом режиме государственными активами. После долгой дискуссии он был поддержан многими моими коллегами и руководством Академии.

Мы предлагали неоднократно, во-первых, акционировать все академические унитарные предприятия, а среди них есть очень сильные предприятия, как, например, выдающийся экспериментальный завод научного приборостроения в Черногловке. Их акции передать в специально созданную холдинговую структуру, в совет директоров которой входили бы и академики, и представители государства. Этот холдинг имел бы право эмитировать акции для привлечения капитала под конкретные проекты, в реализации которого заинтересована частная фирма. Потому что между академическим институтом и бизнесом существует некая несовместимость. Она связана с тем, что институт как государственное учреждение в своих действиях ограничен, он не может свободно объединять ресурсы, и вообще-то это правильно. А механизм, о котором я говорил, мог бы стать адекватным интерфейсом между академической наукой и бизнесом.

Кроме этого, мы предлагали позволить академическим группам, скажем, лабораториям, заняться коммерциализацией своих исследований, которые имеют прикладное значение. А для этого – создать механизм их временного, скажем, на год, перехода из академического института в коммерческую структуру, в одну из «дочек» академического холдинга. С гарантией возврата назад, если они захотят и не станут Биллами Гейтсами. А в течение этого периода академический институт мог бы заключать временные контракты с другими учеными или использовать высвободившиеся средства для решения других вопросов. Это была бы очень гибкая структура.

Но вместо поддержки мы слышали только сетования, что Академия наук – организация сталинских времен, которая не хочет приспособливаться к реалиям сегодняшнего дня. Я лично на встрече с президентом страны в Академии наук предлагал такую реформу, и с его стороны реакция была позитивная. Но у министерства экономического развития была другая позиция: все надо решать через развитие частного сектора. Много ли мы решили через развитие частного сектора? К сожалению, оказалось проще разгромить академию.

АКЦЕНТЫ

При менее благоприятном деловом климате у нас были более высокие темпы роста, чем сейчас

Избыточные резервы – синоним потерь

При росте ВВП менее 2 процентов в год мы в лучшем случае будем стоять на месте

Сейчас только государство может обеспечить концентрацию колоссальных экономических ресурсов на важнейших направлениях

Вкладывая в инфраструктуру, мы «стягиваем» наши огромные пространства

[Опубликованное в «РГ» интервью см. на сайте «Российской газеты»
http://rg.ru/2014/02/18/rezervi.html](http://rg.ru/2014/02/18/rezervi.html)